

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ШНИТКЕ

Евангельский мир и наш будничней,
более тесно связаны, чем мы думаем.
А.Г. Шнитке

Библия - вечный источник мировой музыкальной культуры. К ней обращались Бах и Гендель, Глюк и Гайдн, Стравинский и многие другие. Через библейские сюжеты и образы раскрывались вечные темы, волнующие человечество – жизнь и смерть, добро и зло, красота и любовь, вечное и земное. Годы атеизма наложили на музыкальную культуру России первой половины 20 века печать. Библейская тема была закрыта для композиторов.

Однако в начале 60-х годов в творчестве некоторых молодых композиторов стало зарождаться религиозное направление. Оно было во многом, реакцией на атаки, которым подвергалась в те годы творческая интеллигенция. Это была попытка найти в неприглядном мраке свет. Ярким примером такого обращения может служить творчество А. Шнитке и его соученика по консерватории А. Караманова.

«Религия как первичный импульс породила во мне вдохновение, поднимала на новую высоту все мое творчество»- писал Караманов.

Но ни одна из симфоний Караманова не была исполнена. Перед ним поставили стену молчания. Композитор вынужден был, чтобы сохранить жизнь своим сочинениям скрыть их истинные библейские названия под современными гражданскими псевдонимами. Симфонии были названы: «Бысть» - «Поэма победы», «Блаженные мертвые» - «Великая жертва». И страшны были не псевдонимы, а неслышанность симфоний, которые становилась трагедией заживо погребенных мыслей.

Альфред Шнитке к библейским образам в своем творчестве обращался неоднократно. Это не удивительно. Шнитке был верующим человеком, Его первое соприкосновение с религией было в детстве - бабушка - католичка, читала ему Библию и беседовала с ним о ней. Уже во взрослом возрасте интерес к религиозной литературе появился у Шнитке после прочтения романа Пастернака «Доктор Живаго». Особенно Шнитке ценил стихи из этого романа (цикл евангельских стихотворений доктора Живаго).

В 48 лет Шнитке крестился и принял католичество. Сам композитор объяснил это несколькими причинами. «Моя мать католичка, крещенная. Я должен был это продолжить. И хотя я уважаю православную церковь – больше, чем католическую, но имея внешность еврея, фамилию немца, креститься в православной церкви было бы не понятно».

«В православной церкви каждый ощущает себя вместе с другими, независимо от того, кто эти другие. Православный храм – инструмент

погружения, самоуглубления. Ты вошел и мгновенно остался наедине с собой.

В храме я ощущаю присутствие тех сотен тысяч, кто в нем побывал. В храме у меня обостряется тоска. Человек после храма обретает силу. Храм суммирует тревогу и успокоение, он подобен рентгену, засвечивает в каждом и хорошее и плохое».

Вот почему обращение в творчестве к евангельским сюжетам не было случайным.

Многие годы в сознании Шнитке продолжала жить несправедливая история с пострадавшим Карамановым. Острая боль за ненаказанность искала выхода – но где? Решив поддержать сокурсника через прессу, Шнитке в журнале «Советская музыка» (№9 за 1961 год) опубликовал статью о Караманове – «В поисках своего пути», и в ней он написал: «Алемдар Караманов тот, вокруг которого все должно объединиться. Мы все талантливый, он же - гений».

В биографии двух композиторов много общего. Они вместе учились, у них были общие друзья, их музыку е понимали, не принимали и не исполняли. Оба в вере искали утешения, один (Шнитке) в католической, другой (Караманов) в православной. У обоих много намешано в национальности - Шнитке - немецкий еврей, Караманов - по отцу турок, но записан как крымский татарин. Один мусульманин - принимает православие, другой еврей - католицизм.

Когда Караманов в 1966 году начал писать 10-ти часовую симфонию «Свершишесья», по 4 евангелиям, А Шнитке приступил к работе над Вторым скрипичным концертом.

Шнитке не раскрывал программы концерта (да это было и невозможно). Лишь спустя почти 10 лет он в беседе с Шульгиным (музыковед-теоретик) раскрыл программу, а опубликовал ее через 25 лет (90-е годы).

Программа концерта основана на евангельском сюжете о деяниях, страданиях, смерти и воскрешении Христа, о предательстве Иуды, о духовном возрождении.

Концерт посвящен Марку Лубоцкому, по чьей просьбе был написан, и он же стал его первым исполнителем. Премьера прошла в Финляндии, и только в 1973 году он был исполнен в Москве.

Концерт жанр не театральный. Но Шнитке сумел создать в нем театрализованную наглядность. Инструменты в нем (solo и группы) представлены как театральные герои. Скрипка – Христос, контрабас – Иуда, струнные (их 12) – апостолы, ученики Христа; медь, дерево и ударные – толпа

Традиционное для концерта составление солиста и оркестра превращено в коллизию 2-х солистов, а точнее солиста и анτισолиста и сопровождающей массы инструментов-сообщников.

Главный солист (скрипка) – это Христос. Его партия звучит то страстным речитативом, то кротко и нежно. Анτισолист (контрабас) - Иуда.

В начале он в группе 12 учеников, но потом он отделяется от них. Он искажает и пародирует музыкальную речь солиста. Его партия, гротескно хрипящая, глиссандирующая или злобно тремолирующая, звучит в непривычной тесситуре (вторая октава).

Окружение Христа (11 струнных скрипок) – его ученики, в основном играют смычком, вторя солисту (эпизод канона).

Окружение Иуды (толпа) - пассажи фортепиано, глумливые трели флейт, фагота, резкие выкрики деревянных, медных духовых, удары литавр, кластеры, острая диссонантность. Здесь Шнитке использует серийную технику.

Концерт одночастен, это спрессованная в одну часть сонатно-циклическая форма с усложненной репризой. Разработка включает в себя эпизод злобного скерцо и лирический эпизод - (как тихая кульминация). Разработочность переходит в репризу и кода становится философским итогом повествования. Солирующая скрипка повторяет трансформированную тему вступления, но уже без анτισолиста и с консолидацией всех групп оркестра.

В программе концерта Шнитке точно указал эпизоды из Евангелия:

Вступление – Христос в пустыне, сбор учеников, Иуда, толпа.

Лирический эпизод – Тайна вечера, Поцелуй Иуды.

Тихая кульминация - Пленение и допрос, Отказ от ответов, Приговор толпы, Повешение Иуды, Землетрясение.

Трагическая кульминация – Смерть Христа, Оплакивание и погребение.

Кода – Воскресение Христа.

Программой концерта могло быть стихотворение И. Бродского «Пророк».

Я ерю в божество Христа
Меня преследуют виденья
Пилат, Голгофа, тень креста
Иисус... и море
Наводнение людских голов
Рычанье ртов
Ему рыкающих проклятья
Он в багрянице – новом платье
В венце терновом
Он готов на смерть
И горькая усмешка
Кривит устало скорбный рот
Вот он, «возлюбленный народ»
Орет «Распни его! Не мешкай!»
А он их «Не убий!» учил
Лечил больных и прокаженных
От язв всевидимых лечил

А он людей любил
А он не с кистенем гулял лютуя
НЕ требовал, чтоб хор амвон
Ему гремели: «Аллилуйя»
Но знал, что ученик Иуда
Предаст его в иные дни
Что им возлюбленные люди
Вскричат: «Распни его» Распни!»
Так вот каков удел пророка
За всех страдая и скорбя
Любить людей и знать до срока
Они же и распнут тебя.

Концерт выразил острую боль Шнитке за ненаказанность, за предательство, за пострадавших товарищей, непризнанных официальными кругами.

Поэтому концерт стал произведением ответственным и моральным.

После московской премьеры Софья Губайдуллина скажет: « В этом сочинении А. Шнитке не только новое отношении к музыке, но и новое отношение к жизни».